

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. С. МЕЛЬНИЧУК

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ¹

Известно, что развитие языкознания, начиная с его выделения в самостоятельную дисциплину и на протяжении всей его истории, как и развитие ряда других наук, проходит в непосредственном взаимодействии с философией. Это объясняется не только тем, что коренные теоретические вопросы языкознания не могут решаться без ориентации на определенные общеполитические установки, но и тем, что научные данные языкознания имеют большое значение для самой философии. Вместе с тем использование и обобщение в философии результатов исследования языка, наряду с результатами разработки других частных наук, являются одной из форм все более усиливающейся взаимосвязи различных областей знания, которая способствует дальнейшей интенсификации познавательного процесса в целом. Эта взаимосвязь четко обнаруживает интегрирующую роль философии в синтезе различных областей научного знания².

В системе марксистского языкознания философским аспектам изучения языка принадлежит ведущая роль. Методологический подход к решению любой проблемы марксистского языкознания целиком определяется философскими принципами диалектического материализма. В ряде работ советских и некоторых зарубежных лингвистов, посвященных различным теоретическим вопросам языкознания, рассматриваются отдельные положения диалектико-материалистической философии в их применении к изучению языка. Опубликованы также работы, в которых философские вопросы языкознания составляют основной объект рассмотрения³. При этом в различные периоды на передний план выдвигались то одни, то другие вопросы философии языка, хотя больше всего внимания в этих работах было уделено вопросам взаимоотношения языка и сознания. Само содержание философских проблем языкознания в опубликованных работах понимается неодинаково.

Настоящая статья представляет собой доклад, прочитанный на Первой Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания, состоявшейся в Москве в ноябре 1974 г.

² Подробнее об этом см.: Ф. В. Константинов, *Современные проблемы марксистско-ленинской философии и задачи философской общественности*, ВФ, 1972, 1, стр. 34; Н. Р. Ставская, *Философские вопросы развития современной науки (Социологические и методологические проблемы интеграции науки)*, М., 1974, стр. 97—117, и др.

³ См., например: Ф. П. Филипп, *О некоторых философских вопросах языкознания*, сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970; В. З. Панфилов, *Взаимоотношение языка и мышления*, М., 1974; В. Г. Гак, *К проблеме соотношения языка и действительности*, ВЯ, 1972, 5; О. С. Ахманова, И. Е. Краснова, *О методологии языкознания*, ВЯ, 1974, 6, и др.

Рамки настоящей статьи не позволяют даже в самом общем плане рассмотреть проведенные до сих пор разработки философских проблем марксистского языкознания. Задачей статьи является рассмотрение лишь некоторых наиболее важных и актуальных на современном этапе философских вопросов языкознания независимо от того, в какой мере эти вопросы освещались уже в лингвистической и философской литературе. Цель такого рассмотрения заключается в том, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость дальнейшей активизации работ в области философии марксистского языкознания.

Непременную предпосылку сколько-нибудь успешного рассмотрения указанных вопросов составляет определение того, какую именно проблематику следует относить к философии языкознания. В мировой лингвистической литературе этот термин нередко употребляется в слишком широком значении. Так, например, опубликованная в 1912 и 1927 гг. книга А. Доза под названием «Философия языка»⁴ представляет собой изложение обычной лингвистической теории, обнаруживающей лишь отдаленную связь с философией. Книга О. Есперсена «Философия грамматики»⁵ содержит не выходящую за пределы лингвистики авторскую интерпретацию некоторых общих свойств грамматической структуры языков, а также взаимоотношения между грамматическими и логическими категориями. Примеры подобного расширенного понимания философских вопросов языкознания можно встретить и в советском языкознании. Такое понимание сущности философских вопросов языкознания заметно расходится с принятым у нас пониманием предмета философии и ее отношения к частным наукам. С позиций марксизма-ленинизма философия определяется как наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления и об отношении мышления к бытию⁶. Представляя собой своеобразный синтез самых общих выводов различных частных наук, философия вместе с тем проявляется в каждой науке в виде единых для всех наук теоретических и методологических моментов. Поэтому к философии языкознания может быть отнесено, с одной стороны, только рассмотрение общефилософских проблем на конкретном материале языка и науки о языке, с другой — только рассмотрение теоретических проблем языкознания (любой степени сложности и важности) с общефилософской точки зрения. отождествление философских вопросов языкознания со всей теоретической проблематикой языкознания как такового делает излишним употребление самого выражения «философские вопросы языкознания» и, вместе с тем, устраняет возможность выделения именно того круга вопросов, который, составляя важнейшую часть теории языкознания, одновременно относится и к собственно философской проблематике или же решается в языкознании с чисто философских позиций. Никакая собственно лингвистическая проблематика, рассматриваемая с позиций самого же языкознания (включая и такие наиболее общие проблемы, как, например, вопрос о коммуникативной функции языка, о критериях выделения частей речи или о соотношении лексического и грамматического в языке) к сфере философской проблематики языкознания не принадлежит. Не могут быть отнесены к этой сфере и конкретные вопросы взаимоотношения лингвистики с другими частными науками — математикой, психологией, историей и т. д. Единственное исключение здесь должно быть сделано для вопроса о взаимоотношении языкознания с самой философией.

⁴ A. D o z a t, La philosophie du langage, Paris, 1927.

⁵ О. Е с п е р с е н, Философия грамматики, М., 1958.

⁶ «Философская энциклопедия», V, М., 1970, стр. 342—343

Определенное таким образом содержание философских вопросов языкознания существенно отличается от встречающегося преимущественно в философских работах понятия философии языка, выражаемого также в формулах «философские проблемы языка», «философский анализ языка» и т. п.⁷ Под философией языка в последнее время становится обычным понимать раздел теории познания, разрабатываемый в основном философами и освещающий познавательную функцию языка, в частности, роль языка науки в построении и развитии научных теорий. Естественно, что основные положения понимаемой в таком смысле философии языка играют важную роль и при решении значительной части философских вопросов языкознания.

Наряду с выражением «философские вопросы (проблемы) языкознания» иногда употребляется его сокращенный вариант «философия языкознания». Однако это последнее выражение может иметь и особое значение, касающееся философского осмысления роли и задач языкознания, его места в общей системе наук.

Поскольку вопрос о взаимоотношении языкознания с философией в настоящее время приобрел исключительное значение в борьбе между диалектическим материализмом и неопозитивизмом, представляется целесообразным коснуться его здесь в первую очередь. Марксистское понимание взаимоотношения между языкознанием и философией основывается на приведенном выше общем положении о характере связи философии с частными науками. Вместе с тем, языкознание, как и другие науки, находится и в более конкретных связях с философией, специфических для каждой частной науки в отдельности. С одной стороны, языкознание представляет собой для философии объект рассмотрения и методологической организации с точки зрения теории познания. Только в этом смысле, и то с определенными оговорками, можно было бы сказать, что философия стоит над языкознанием, как и над другими частными науками. С другой стороны, в силу особой природы языка и его специфической функции в познавательной и практической деятельности человека, языкознание служит для философии источником важных сведений, касающихся главным образом конкретного характера взаимоотношений материального и идеального. При этом речь идет в первую очередь о специфической области материального, состоящей из материальных знаков языка. Именно различные аспекты этих взаимоотношений языкознания с философией и образуют основной комплекс философских вопросов языкознания.

В отличие от диалектического материализма, современный позитивизм, в частности философия лингвистического анализа, отказавшись от решения коренных философских проблем, пытается свести все задачи философии к анализу языка⁸. В большинстве случаев этот анализ заключается в описании семантики выражений языка и ее зависимости от контекста или ситуации речи, причем лингвистические философы иногда открывают в этом плане давно открытое языковедами. Важность «открываемых» таким образом особенностей языка иногда чрезмерно преувеличивается. Это касается, например, сравнительно хорошо освещенных в мировом языкознании фактов зависимости значений конкретных единиц языка от контекста или речевой ситуации, шире — от специфики функциональных сти-

⁷ Ср., например: Г. А. Б р у г я н, Язык и философия, сб. «Философия и современность», М., 1971, стр. 322, 323, и др.

⁸ См.: L. W i t t g e n s t e i n, Philosophical investigations, Oxford, 1953. Критический анализ лингвистической философии см. в работах: М. С. К о з л о в а, Философия и язык, М., 1972; М. К о р н ф о р т, Марксизм и лингвистическая философия, М., 1968; Э. Г е л л н е р, Слова и вещи, М., 1967; В. А. Л е к т о р с к и й, Аналитическая философия сегодня, ВФ, 1971, 2.

лей, — фактов, которые лингвистическая философия пытается представить в качестве подтверждения своей концепции о том, будто единый общенародный язык состоит из бесконечного множества частных языков, определяемых конкретной речевой ситуацией и содержащих языковые единицы, несооставимые в плане значения с формально тождественными им единицами, употребляемыми во всех других случаях. Выступивший на XIV Международном философском конгрессе (Вена, 1968) с острой критикой лингвистической философии английский философ С. У. К. Мандл в своем ранее опубликованном докладе писал: «Главный источник априорной лингвистики (разновидность лингвистической философии. — А. М.), по видимому, заключается в том, что большинство британских философов не читали ничего из обычной (эмпирической) лингвистики»⁹.

Проводимая неопозитивистами подмена общефилософской проблематики специальными вопросами изучения языка основывается на позитивистском утверждении о том, будто свойства реальных объектов далеко не всегда поддаются непосредственному наблюдению и будто язык является единственной доступной для восприятия реальностью, структура которой при правильном употреблении языка адекватно отражает структуру мира. По видимому, сторонники этой точки зрения некоторое время не замечали, что говорить об адекватном отражении действительности в языке можно лишь после того, когда точные сведения о свойствах действительности получены уже без посредства языка, т. е. тем путем, который неопозитивисты не признают возможным. Как известно, подобные внутренние противоречия, обнаруживающиеся в основаниях лингвистической философии, к настоящему времени уже заметно расшатали все ее здание. Однако начинающийся кризис этого направления неопозитивизма не мог бы оправдать беспечное игнорирование лингвистической философии со стороны марксистского языкознания.

Попыткам неопозитивистов использовать отдельные особенности структуры и функционирования естественного языка для построения своих псевдофилософских концепций марксистское языкознание противопоставляет подлинно научные разработки соответствующей лингвистической проблематики на многочисленных фактах исторического развития и современного состояния языков. Этим обеспечивается, с одной стороны, раскрытие конкретно-научного, нефилософского характера соответствующей проблематики, в которой пытаются замкнуться неопозитивисты, и, с другой — неуклонно углубляющееся марксистское освещение тех сторон языка, учет которых может играть определенную роль на новых этапах развития философии диалектического материализма.

Неопозитивистское сведение философии к лингвистическому анализу является одним из примеров заметно участвовавшего в последнее время преувеличения роли отдельных функций и свойств языка. Между тем любое преувеличение, допускаемое на уровне философии, влечет за собой далеко идущие отрицательные последствия.

Однако факты недопустимых преувеличений в науке выходят уже за пределы конкретного вопроса о взаимоотношении языкознания и философии. Эти факты подчеркивают исключительную актуальность другого философского вопроса языкознания, который касается применения к изучению языка положения марксистской диалектики о всеобщей связи явлений действительности. Необходимо отметить, что этому важному положению материалистической диалектики в последнее время уделяется недостаточное внимание. Некоторое оживление вокруг этого вопроса, наметившееся

⁹ С. W. K. M u n d l e, *Anglo-linguistic philosophy*, «Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie», I, Wien, 1968, стр. 355—356.

с опубликованием интересных монографий И. И. Новинского, А. И. Уемо-ва и В. И. Свидерского свыше десяти лет назад¹⁰, к настоящему времени снова прекратилось. У нас слишком редко подчеркивается и раскрывается богатое содержание диалектического положения о всеобщей связи, не всегда учитывается, что речь должна идти не о связях и отношениях вообще, а об их бесконечном многообразии по характеру, степени интенсивности, прочности и устойчивости во времени, и что в каждом конкретном случае необходимо не только рассматривать всю совокупность тех связей и отношений данного явления, которые имеют решающее значение для его понимания и характеристики, но и выделять из них наиболее существенные, играющие основную роль в определении природы и специфики явления. Последовательное соблюдение этого требования сделало бы невозможным рассмотрение языка в отрыве от других сфер общественной жизни, без учета его действительных взаимоотношений с человеческой практикой, многоплановым общением и познавательной деятельностью. Трезвый учет реальных связей языка с другими сферами действительности неизбежно привел бы к единственно правильному выводу о том, что язык, при всей огромной важности его общественных функций, является все же лишь промежуточным звеном между тремя основными сферами человеческой деятельности — практикой, познанием и общением — звеном, ни в коей мере не способным заменить собой всю действительность в качестве объекта философского анализа.

Как уже сказано, неопозитивистское возведение языка в ранг единственного объекта философии представляет собой лишь один из примеров методологически неверных преувеличений на лингвистической почве. Другим подобным примером является концепция, согласно которой мировоззрение языкового коллектива определяется структурой принадлежащего ему языка. Эта концепция, известная в двух вариантах — американском (так называемая «гипотеза Сепира — Уорфа») ¹¹ и западногерманском (теория Л. Вейсгербера) ¹², — теснейшим образом переплетается с концепцией языка как единственного объекта философии. В ней ярко проявляется игнорирование многообразных отношений и связей, которые соединяют общественное мировоззрение с различными определяющими его факторами, в первую очередь с общественным бытием, уровнем развития науки и культуры, международными контактами и т. д. Вместе с тем, сторонники этой концепции не приводят никаких сколько-нибудь убедительных данных, которые подтверждали бы саму возможность влияния структуры языка на особенности общественного или индивидуального мировоззрения ¹³. Вопрос о степени влияния структуры языка на мировоззрение должен решаться комплексно лингвистами, психологами и философами с применением надежных методов исследования.

¹⁰ И. И. Новинский, Понятие связи в марксистской философии, М., 1961; В. И. Свидерский, О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании, М., 1962; А. И. Уемов, Вещи, свойства и отношения, М., 1963.

¹¹ См.: E. Sapir, Conceptual categories in primitive languages, «Science», 74, 1931; Б. Л. Уорф, Отношение норм поведения и мышления к языку, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960; его же, Наука и языкознание, там же, и др.

¹² L. Weisgerber, Das Gesetz der Sprache, Heidelberg, 1951; его же, Von den Kräften der deutschen Sprache, I—III, Düsseldorf, 1950—1954, и др.

¹³ Критика этой концепции содержится в работах: С. В. Васильев, Философский анализ гипотезы лингвистической относительности, Киев, 1974; Л. С. Еромолаева, Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании, сб. «Проблемы общего и частного языкознания», М., 1960; М. М. Гухман, Лингвистическая теория Л. Вейсгербера, сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961; E. Skála, Kritika lingvistického učení L. Weisgerbera, «Problémy marxistické jazykovědy», Praha, 1962; В. З. Панфилов, Язык, мышление, культура, ВЯ, 1975, 1, и др.

К ошибочному положению об определяющей роли структуры языка по отношению к общественному мировоззрению непосредственно примыкает широко распространенное преувеличение роли родного языка в развитии культуры. Правильное, подтвержденное историческим опытом многих стран, положение о том, что меры, направленные на подъем культуры временно отсталых народов, в частности, такие, как ликвидация массовой неграмотности, наиболее успешно могут быть осуществлены только при помощи родных языков (хотя и это невозможно без привлечения других языков), нередко без достаточных оснований распространяется на общества с высокоразвитой культурой, за которыми, вопреки многочисленным и очевидным фактам, не признается возможность использования неродных языков в целях дальнейшего культурного развития. В данном случае преувеличение роли родного языка ведет к проповеди национальной замкнутости и международной разобщенности.

Из числа преувеличений, касающихся роли отдельных компонентов или сторон структуры языка, в качестве хорошо известного примера можно упомянуть лежащее в основе лингвистического структурализма преувеличение роли отношений в языковой структуре за счет преуменьшения роли соотносящихся элементов структуры. Основные принципы лингвистического структурализма, зачатки которых можно усматривать уже в идеалистической философии Платона¹⁴, были перенесены из языкознания на истолкование других явлений действительности, и в первую очередь общественной жизни. Так на почве извращенного представления структуры языка, которое основывалось на недостаточном учете различных аспектов функционирования элементов в рамках языковой структуры, возник философский структурализм, получивший видное место в арсенале современной буржуазной идеологии. Из сказанного вытекает вывод, что и сам вопрос о роли отношений в системе необходимо решать в строгом соответствии с общим положением марксистской диалектики о всеобщей связи явлений действительности.

Одним из источников лингвистического структурализма было необоснованное преувеличение научной значимости данных, полученных при помощи методов структурного анализа языка. Созданные для изучения чистых отношений в структуре языка, абстрагируемых от качества соотносящихся элементов, структурные методы стали расцениваться их приверженцами как единственно приемлемый способ научного понимания языка, исключая какой-либо другой подход к языку. Таким образом, ряд специальных частнонаучных методов был поставлен на место общей научной методологии, а их важность неправомерно, по субъективным мотивам была преувеличена за счет отрицания роли других возможных методов. В этом тоже сказалась недооценка требования диалектики учитывать реальные отношения рассматриваемого объекта к другим объектам и, следовательно, четко определять то место, которое принадлежит рассматриваемому объекту среди остальных.

Не менее важное значение для дальнейшей разработки теории марксистского языкознания имеет применение к ней диалектических законов развития — как движения от низшего к высшему и перехода количества в качество, положения о единстве и борьбе противоположностей как основ-

¹⁴ Ср. учение Платона об идее (уме), структура которой определяет природу порождаемого ею реального мира и всех конкретных вещей (П л а т о н, Сочинения, 3, кн. 1, М., 1971, стр. 34—36), или об образовании всех четырех первоэлементов мира из одинаковых идеальных треугольников, по-разному соединенных (там же, стр. 494—499). О близости философии структурализма к идеалистической философии Платона писали В. И. Свидерский (указ. соч., стр. 138), Т. Павлов (см.: Т. П а в л о в, Диалектическая идеалистическая эстетика на Хегел, в кн.: Т. П а в л о в, За марксистическа естетика, литературна наука и критика, София, 1954, стр. 250) и др.

ном факторе развития. В этом направлении перед марксистским языкознанием открываются широкие перспективы теоретических поисков.

Из общей системы категорий марксистской диалектики в настоящее время особый интерес представляет применение к изучению языка категорий общего, частного и отдельного. С одной стороны, эти категории обнаруживаются в соотношении элементов языка и соответствующих им элементов речи — таких, как фонема, позиционно обусловленный вариант фонемы и конкретный индивидуальный аллофон, морфема, морфонема и индивидуальный алломорф в конкретном речевом акте, лексема, словоформа и индивидуальное проявление словоформы в данном речевом акте, абстрактное словосочетание, конкретное словосочетание и функционирование словосочетания в индивидуальном речевом акте, общее значение данного элемента языка, специальное значение его в данной конструкции и индивидуальное понимание его отдельным собеседником в данной речевой ситуации и т. д. С другой стороны, указанные категории проявляются в соотношении устойчивых, многократно воспроизводимых речевых корпусов типа художественных произведений или научных сочинений, возможных вариантов их структуры (различных редакций) и их непосредственных конкретных реализаций (например, индивидуальных исполнений в каждом отдельном случае или отдельных экземпляров их письменной фиксации). В этом плане углубленного философского исследования требует вопрос о конкретном характере единства общего, частного и отдельного, и в первую очередь, о том, в какой степени и в каком отношении каждое отдельное в языке может рассматриваться как тождественное со своими вариантами, соотносимыми с одним и тем же общим. Важную роль при освещении этого вопроса играет сопоставление с аналогичными соотношениями в других сферах действительности, особенно в сфере общественного производства и потребления, и учет общественной значимости каждого данного отдельного и соответствующего ему общего в различных сферах действительности.

Еще более актуальными для языкознания являются категории формы и содержания. В применении к материалу всех уровней языка эти категории оказываются исключительно ёмкими. Однако такая их ёмкость, возможность подведения под общее соотношение формы и содержания самых разнообразных конкретных отношений языковых единиц делает их применение в языкознании крайне сложным. Интересы повышения эффективности научных исследований требуют от языковеда максимальной строгости и четкости в обращении с этими категориями.

Нетрудно заметить, что почти каждый из приведенных выше примеров несоблюдения одного из основных требований диалектики содержит в себе более или менее ярко выраженные элементы идеализма. В этом обнаруживается неразрывная связь марксистского диалектического метода с последовательно материалистическим пониманием мира и, в частности, языка. Основу материалистического истолкования языка составляет марксистское положение о материальной природе языка. Это положение, вытекающее из общего марксистско-ленинского понимания языка как средства человеческого общения, не допускает возможности представить язык в качестве идеальной структуры объективного или субъективного характера, не зависящей якобы от материального характера субстанции, в которой он манифестируется. Одна из важных задач философии марксистского языкознания заключается в дальнейшей конкретизации названного положения. В частности, существует настоятельная необходимость в углубленном и всестороннем освещении специфики материальной формы языка в сопоставлении с материальной формой других видов человеческой деятельности и их продуктов, а также естественных объектов и явлений.

Положение о материальной природе языка нуждается в других дополнительных разъяснениях, касающихся в первую очередь того факта, что язык является средством выражения мысли и что повседневное функционирование языка непосредственно зависит от деятельности сознания. В освещении указанной проблемы ведущая роль принадлежит философии, которая должна будет при этом широко использовать данные не только языкознания, но и психологии.

С положением о материальной природе языка теснейшим образом связана проблема соотношения материального и идеального в языке. Обстоятельная разработка этой проблемы как в общефилософском, так и в специально лингвистическом планах составляет важнейшую задачу философии марксистского языкознания. Проблема «язык и сознание» является специальной и весьма важной частью центральной для всей философии проблемы «сознание и действительность». Особого интереса эта философско-лингвистическая проблема заслуживает ввиду того, что именно на материале языкознания взаимоотношение идеального и материального может быть исследовано с такой степенью конкретности, какая остается недостижимой в других частнонаучных областях (разве что за исключением экспериментальной психологии). Решение этой проблемы может быть представлено в виде научно обоснованных ответов на вопросы о конкретном характере единства сознания и языка (степени их самостоятельности и взаимозависимости), о сущности и специфике знакового характера языковых единиц различных уровней, о природе значения языковых единиц, о характере соотношения значения и знака в языке, о соотношении языкового значения и понятия или суждения, о сущности содержания языковых единиц, о соотношении категорий и конструкций языка и сознания и т. д.

Приведенные примеры различных форм взаимосвязи языкознания с философией могут дать определенное представление об общем комплексе всех относящихся сюда проблем, включая также ряд специальных вопросов теории познания и методологии науки. Эти примеры убеждают в большой методологической важности и общенаучной актуальности тщательной разработки философско-лингвистической проблематики в рамках обеих наук. Для языкознания это обеспечит дальнейшее повышение теоретического уровня всех лингвистических исследований, значительное усиление практической действенности науки о языке и увеличение ее роли в общей системе наук.